

**ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ
КАК НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ДИСЦИПЛИНА»**

© 2023 г. Н. В. Кроткова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.06.2023 г.

Аннотация. Обзор Всероссийской конференции с международным участием «История политических и правовых учений как научная и учебная дисциплина», прошедшей 20 апреля 2023 г. на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, предлагает широкий перечень позиций относительно истории политических и правовых учений. Участники, так или иначе связанные с данной дисциплиной, высказывают свое мнение о ее роли и месте в современном образовательном процессе, ее истории и содержании, значении для подготовки юристов, ее общекультурной функции в деле социализации личности и формирования мировоззренческой позиции. Выступающие сошлись в том, что постсоветский период характерен неуклонным снижением удельного веса теоретико-исторических дисциплин в нашем юридическом образовании. Делается общий вывод, что пренебрежительное отношение к фундаментальной юридической науке, в том числе истории политических и правовых учений, чревато снижением не только уровня профессиональной подготовки юристов, но и их общекультурного уровня.

Ключевые слова: история политических и правовых учений, юридическая наука, юридическое образование, философия права.

Цитирование: Кроткова Н.В. Всероссийская конференция с международным участием «История политических и правовых учений как научная и учебная дисциплина» // Государство и право. 2023. № 8. С. 191–206.

DOI: 10.31857/S102694520027271-9

ALL-RUSSIAN CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION “HISTORY OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINES AS A SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL DISCIPLINE”

© 2023 N. V. Krotkova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 01.06.2023

Abstract. Review of the All-Russian Conference with international participation “History of political and legal doctrines as a scientific and educational discipline”, held on April 20, 2023 at the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University, offers a wide range of positions on the history of political and legal doctrines. The participants, who are somehow connected with this discipline, express their opinion about its role and place in the modern educational process, its history and content, its significance for the training of lawyers, its general cultural function in the socialization of personality and the formation of an ideological position. The speakers agreed that the post-Soviet period is characterized by a steady decline in the share of theoretical and historical disciplines in our legal education. The general conclusion is made that a disdainful attitude to fundamental legal science, including the history of political and legal doctrines, is fraught with a decrease not only in the level of professional training of lawyers, but also their general cultural level.

Key words: history of political and legal doctrines, legal science, legal education, Philosophy of Law.

For citation: Krotkova, N.V. (2023). All-Russian Conference with international participation “History of political and legal doctrines as a scientific and educational discipline” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 191–206.

20 апреля 2023 г. на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова состоялась Всероссийская конференция с международным участием «История политических и правовых учений как научная и учебная дисциплина». Конференцию организовала кафедра теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Модераторы конференции: Е.А. Фролова, зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф., В.Н. Жуков, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф.

Е.А. Фролова, зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф. *История политических и правовых учений в XXI веке: социокультурный подход*

В настоящее время в Российской Федерации ставится цель сформировать концепцию новой модели юридического образования. Одна из основных задач реорганизации существующей системы — создать баланс общетеоретических и прикладных дисциплин. В последнее время многие юристы-теоретики отмечают тенденцию к сокращению аудиторных часов для дисциплин теоретико-правового цикла, в частности «Истории политических и правовых учений»; в противовес им ставка делается на узкие, практикоориентированные аспекты в подготовке современного юриста, развитие информатизации, алгоритмизации и цифровизации в ущерб самостоятельному критическому анализу, что

вызывает серьезную обеспокоенность у представителей академического юридического сообщества. Дело в том, что история политических и правовых учений является системообразующей, *базовой юридической дисциплиной*, призванной сформировать у студента правовое мышление. Поэтому важно подчеркнуть, что она не только должна быть включена в число обязательных юридических предметов, но и преподаваться студентам юридических вузов на первых курсах их обучения.

История политических и правовых учений относится к *фундаментальным юридическим наукам* — наукам, позволяющим глубже понять и оценить связь права с другими социальными регуляторами, уяснить, что знание правового феномена должно основываться не только (и не столько) на детальном запоминании фактического материала, но главным образом на выработке собственного профессионального отношения к действующему праву, с учетом разных возможностей и желательных перспектив его развития.

Задача этой науки — исследовать значимые учения о праве и государстве разных эпох у различных народов. По убеждению классика политико-правовой мысли Б.Н. Чичерина, эта наука предоставляет лучшее руководство к познанию основных начал государственной жизни и истории вообще — здесь на общей почве изображается не только преемственный ход мысли, но и сам ход жизни. Будущее не даст нам ничего существенного, чего бы не было в прошедшем¹.

¹ См.: Чичерин Б.Н. История политических учений / подготовка текста, вступ. ст. и комм. И.И. Евлампиева. СПб., 2006. Т. 1. С. 28.

Курсы по истории политических и правовых учений имеют давнюю историю в России: «История философии законодательства» (курс К.А. Неволина), пятитомное издание Б.Н. Чичерина «История политических учений», позднее — «История философии права» (П.Г. Редкин, Н.М. Коркунов, П.И. Новгородцев, Г.Ф. Шершеневич), «История общих учений о праве и государстве» (курс лекций А.Н. Фатеева), в советский период: «История политических учений», «История учений о праве и государстве», «История политических и правовых учений», а также учебники С.Ф. Кечекьяна, О.Э. Лейста, В.С. Нерсисянца и др. Сохраняя и развивая эти научно-образовательные традиции, мы раскрываем интеллектуальный, профессиональный и творческий потенциал юристов отечественной школы, демонстрируем возможности социокультурного подхода в оценках права и государства применительно к нашему времени.

История политических и правовых учений обладает диалогической природой и предполагает *борьбу различных мировоззрений*, каждое из которых стремится доказать свою правоту, воплотившись в общественное сознание. Доктрины о праве, политике, государстве, изучаемые данной наукой, важны как *варианты альтернативного юридического мышления*, обоснованность и актуальность которых подтверждается степенью востребованности на том или ином историческом этапе развития общества, права, государства. Поэтому методологически важно и логически оправдано изучать их на равных началах. Оценка обоснованности положений, логики построений, востребованности общественным сознанием требований, предлагаемых той или иной политико-правовой концепцией, проявляется через полемику с автором и борьбу идейных течений.

Заметим, что история политических и правовых учений содержит в себе не только собственно исторический (описательный) компонент — для этой науки важен *логический объем доктрины*. При всем обилии фактического материала здесь не происходит суммирования идей. Изучая модели правового сознания, история политических и правовых учений *формирует системные подходы* к решению социально-политических проблем. На этом основывается и ее прогностическая функция: понимая суть политико-правовой реальности, зная механизмы разрешения схожих проблем в предшествующие эпохи, мы способны оценивать существующие социальные явления и предвидеть тенденции их развития.

В.Н. Корнев, зав. кафедрой конституционного права им. Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия (РГУП), д-р юрид. наук, проф. Государство-цивилизация как категория истории политических учений

Известно высказывание Екатерины II: «Россия сама есть вселенная и никто ей не нужен». Данная характеристика современного Российского государства закреплена в п. 4 Концепции внешней политики Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31.03.2023 г. № 229). Кроме того, это же словосочетание содержится в учебном курсе «Основы российской государственности», который будет преподаваться в учебных заведениях с сентября 2023 г.

Следует отметить, что современной науке теории государства и права и истории политических и правовых учений неизвестно понятие «государство-цивилизация», а тем более «Российское государство-цивилизация». В связи с этим необходимо сказать, что при рассмотрении в курсе теории государства и права темы «Типология государств» главным образом используются два подхода: формационный и цивилизационный. Господствующим подходом к типологии государств в современной отечественной юридической науке является

формационный. Данная типология государств страдает определенным схематизмом, поскольку не учитывает особенности в историческом развитии государств, а все их содержательное многообразие редуцируется к понятию общественно-экономической формации, где ведущим признаком являются экономические отношения, отношения собственности. С позиций цивилизационного подхода тип государства определяется принадлежностью к той или иной цивилизации. Вместе с тем ни один сторонник цивилизационного подхода не выделял отдельно «государство-цивилизацию». Можно встретить лишь подходы к формированию этого понятия. Так, Г. Еллинек выделял главные типы государств: древневосточное, эллинистическое, римское, средневековое, современное (конституционное)². С.А. Котляревский обосновывает следующую классификацию государств: 1) теократическое государство; 2) государство Античного мира (Рим и Греция); 3) средневековое государство как феодальное; 4) абсолютистское (бюрократическое) государство. Пятым типом стало конституционное государство как одна из форм реализации идеи правового государства³.

Современные авторы уже в полной мере используют данное понятие: «Государство-цивилизация — большое многонациональное государство, объединенное не по принципу этнического родства, а по принципу общей религии или идеологии, комплементарности культур, схожего геополитического положения, наконец, общей исторической судьбы»⁴. Словосочетание «Россия — государство-цивилизация» можно найти в обращениях Президента РФ В.В. Путина и Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла.

Российское государство в этом смысле является собой органическое единство цивилизационных, отражающих самобытность России и формационных характеристик, общих для любого государства, что дает основание для утверждения того, что Россия представляет собой государство-цивилизацию.

А.В. Корнев, зав. кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф. История политических и правовых учений в системе юридических наук и юридического образования

В 2008 г. под редакцией проф. В.В. Лазарева вышел учебник «История политических и правовых учений». В состав авторского коллектива вошли: Ю.А. Баскин, А.В. Корнев, В.В. Лазарев, С.В. Липень, Д.И. Луковская, А.Н. Никитин, А.Х. Саидов, Е.И. Темнов, Е.В. Тимошина. Событие одновременно ординарное и приятное, особенно для авторов. Однако совершенно неожиданно, без всяких просьб была опубликована рецензия. И не в специализированном журнале, а в «Литературной газете». По содержанию вполне доброжелательная. Разумеется, были в ней и критические замечания. Тем не менее в ней говорилось, что данное издание должно стать настольной книгой для тех, кто занимается политикой. Факт, особенно для авторского самолюбия, положительный. И все-таки за этой мыслью просматривается нечто большее. Данное соображение выразил человек

² См.: Еллинек Георг. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 290–331.

³ См.: Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 332; см. также: Кроткова Н.В. Государственно-правовые взгляды С.А. Котляревского. М., 2011. С. 96–113 (Серия «Актуальные юридические исследования»).

⁴ Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ / отв. ред.: В.И. Спиридонова, В.Н. Шевченко. М., 2016. С. 48.

не из профессиональной среды, а обычный гражданин, осознающий значимость политики, которая осуществляется при помощи таких институтов, как государство и право. Ведь это он, отдельно взятый человек, на себе испытывает всю мощь государства и его институтов. Он в конечном счете адресат той государственной политики, которую вынужден испытывать на себе в виде управленческих решений, включая её правовые формы. Именно по этой причине ни один значимый мыслитель в истории человечества не оставил без внимания проблему государства, права и политики как таковой. Дело в том, что человек, сознательно не желая иногда быть субъектом политики, остаётся её объектом. Всегда.

История политических и правовых учений некогда занимала особое место в системе юридического образования. Она выигрышно «смотрелась» на фоне скучноватых, предельно формализованных отраслевых дисциплин. Общественные науки были перегружены работами классиков марксизма-ленинизма, материалами партийных съездов и пр. Нельзя отрицать присутствие всего этого и в истории политических и правовых учений. Тем не менее это было «окно» в другой мир. Студенты, может быть, впервые в жизни, а чаще всего и в последний раз познакомились со взглядами выдающихся мыслителей прошлого на право и государство. Ведь специальность тогда называлась по-другому — «Правоведение». Правовед — это тот, кто является сведущим в праве. За рубежом и по сей день студенты изучают право. В России все образование построено на изучении законодательства. Но как можно изучить то, что сыпуче как песок? Ответ очевиден. Так называемое практико-ориентированное обучение не может дать знаний, если в нем не будет теоретических, фундаментальных дисциплин. Сегодня мы повторяем опыт Российской Империи. Тогда, чтобы отвлечь студентов от всяких «идей» и политических проблем, до предела сократили или вовсе убрали те дисциплины, которые знакомили с иным опытом государственно-правового бытия. На занятиях студенты в основном решали казусы. В итоге общество получало скандально необразованных юристов. Сей факт в 1902 г. вынужден был признать министр юстиции граф Н.В. Муравьев. По его мнению, исключительной задачей высшего юридического образования должна стать общая теоретическая подготовка, широта и разносторонность юридического образования.

История может повториться. Но уже не в виде фарса, а трагедии. Как можно в ситуации идеологической войны отменять те дисциплины, которые помогают осмысливать этот мир на фоне уже имевшего место политико-правового опыта? Мы вдруг осознали, что Запад совсем не то, что мы о нём думали. Для знакомых с историей политических и правовых учений никаких прозрений и открытий нет. Жаль, что в системе юридического образования история политических и правовых учений либо уже «умерла, либо при смерти». Можно надеяться только на «административное чудо», поскольку ученых и преподавателей, как правило, не слушают. Кризис принимающего решения меньшинства автоматически становится проблемой для всех.

К счастью, у науки ещё остаются перспективы. Сегодня история учений о государстве и праве является составной частью научной специальности 5.1.1. — Теоретико-исторические правовые науки. Однако защит диссертаций не так уж и много, хотя предметное поле поистине огромное. Особенно сейчас, когда привычные модели, утвердившиеся в экономике, политике, праве, основательно пересматриваются. И снова возникает потребность обратиться к тем фундаментальным трудам, которые оставили крупнейшие мыслители. При всем уважении к отраслевым юридическим наукам хотелось бы напомнить, что историю

учений создавали те, кого можно смело представить в качестве творцов интеллектуальной летописи. Это иногда отпускает исследователей. Понять И. Канта или Г. Гегеля несколько сложнее, чем своих коллег по юридическому цеху. Однако тот, кто осмелится осваивать хотя бы небольшой фрагмент истории учений, будет непременно вознагражден глубинными знаниями на фоне быстро устаревающей информации.

Для всей юридической науки история политических и правовых учений особа ценна тем, что она содержит огромный методологический потенциал. История любой науки в некоторой степени представляет собой историю её методологии. Методологически подготовленный исследователь уже потенциально способен добывать качественно другие знания.

И последнее. Если мы говорим о высшем образовании, то навыки, умения и даже компетенции — все это вместе есть уровень колледжа, в крайнем случае института. А вот университет, тем более классический, должен производить смыслы, формировать и поддерживать научные школы и традиции, чтобы затем предъявить их граду и миру. В данном контексте юридическим факультетам без истории политических и правовых учений как некоторого фундамента всех юридических наук не обойтись, хотя можно. Тем более что под видом концепции, теории, программы, доктрины в научно-образовательной среде нередко подаются обыкновенные банальности. Увы, мы к этому уже привыкли.

В.Н. Жуков, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института государства и права РАН (ИГП РАН), д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф. *О пагубности забвения традиций*

В связи с темой конференции хотелось бы обратить внимание на две вещи.

Первое. После падения советской власти все наши фундаментальные юридические дисциплины теоретического и исторического профиля оказались под огромным прессингом вплоть до угрозы их полной ликвидации. Повсеместно сокращались и продолжают сокращаться часы их преподавания под предлогом их слабой связи с практикой. В среде отраслевой юридической науки и юридической практики явно и неявно сложилось представление о сомнительном статусе теории и истории государства и права, истории политических и правовых учений. Справедливости ради надо сказать, что благодаря введению магистратуры появились новые дисциплины: философия права, история и методология юридической науки⁵, на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова — еще и история отечественного правоведения. Однако создается впечатление, что и эти дисциплины вошли в отечественное юридическое образование непрочно и также оказались под сильным давлением. Возьмем для примера такую классическую дисциплину, как теория государства и права. В советские времена она была идеологической и в этом смысле фундаментальной для отраслевых юридических наук, по ней был отдельный выпускной государственный экзамен. Сейчас этого нет: отдельный выпускной экзамен отменен, а отраслевика смотрят на теорию государства и права как на рудимент, доставшийся в наследство от «советского тоталитаризма».

⁵ См.: Кроткова Н.В. История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31.

Представители теоретико-правовой науки, оказавшись под таким давлением, стараются придать ей «практический характер», чтобы она хоть в какой-то степени походила на отраслевую юридическую дисциплину. В итоге на первый план выходит догматика, взятая из отраслей права, а фундаментальность почти исчезает.

Встает вопрос: почему у управленцев всех уровней (аппарата правительства и министерства, руководства вузов и факультетов) сложилось такое устойчивое пренебрежительное отношение к фундаментальной юридической науке? Исключения редки: например, юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, где история политических и правовых учений читается в объеме 72 часов, а философия права — 36 часов. Причина такого бедственного положения видится в следующем. В XX в. в стране дважды заметно понижался уровень обществоведения: после 1917 и 1991 гг. Можно уверенно утверждать, что выпускник царской гимназии превосходил в своих знаниях среднего выпускника какого-нибудь советского заочного педагогического вуза, а дореволюционная профессура не шла ни в какое сравнение с красными профессорами, получившими свое образование урывками на различных курсах. Учащиеся императорских университетов в полной мере были включены в европейскую традицию, где фундаментальная и отраслевая юридическая наука взаимно дополняли друг друга. Типичный учебник по отраслевой дисциплине постоянно делал отсылки к традиции Древнего Рима и средневековой Европы. Читая дореволюционный учебник, сразу ощущаешь эту традицию, которая напрочь утрачена современным высшим юридическим образованием. Советская и постсоветская генерация ученых-юристов не знает и не чувствует своих корней, традиций своей отрасли, которая всегда была связана с фундаментальной юридической наукой. К слову сказать, преподавание истории и методологии юридической науки столкнулось с той простой проблемой, что наши юристы не знают истории своих отраслей и, как выясняется, нет большого желания ее знать. Вот эта полуграмотность, это невежество, едва ли не возведенные в принцип юридического образования, и стали причиной пренебрежительного отношения к фундаментальной юридической науке, в том числе истории политических и правовых учений.

Второе. В XIX в. в России складываются два подхода в написании учебников по истории политических и правовых учений. Родоначальником первого следует считать Б.Н. Чичерина. Особенность его пятитомного труда — внимание к деталям рассматриваемого учения. На первый план здесь выходят детали учения, только на втором плане — общая концепция, интерпретация учения. Читая Чичерина, иногда складывается впечатление, что его текст — детальный конспект, где автор не всегда готов объяснить читателю смысл деталей учения. Второй подход наблюдается в текстах В.С. Соловьева и П.И. Новгородцева. Суть подхода в том, чтобы дать концепцию учения, особенно не вдаваясь в детали. Чтобы дать свою, самостоятельную интерпретацию учения выдающегося автора (например, Платона, Аристотеля, Канта или Гегеля), необходимо самому интерпретатору иметь недюжинные интеллектуальные способности. В противном случае получим банальный подстрочник, где исследователь идет шаг в шаг за автором, боясь уклониться, так как всякое уклонение чревато потерей общей нити учения. Так, В.С. Соловьев в своих историко-философских статьях в Словаре Брокгауза и Ефрона удивительно легко, просто, ясно излагает суть учения того или иного автора, не вдаваясь в детали. Ему удается схватить суть, поднимаясь

над текстом автора и давая ему форму, понятную рядовому, среднему читателю. В этом и состоит высшее мастерство исследователя философской и политико-правовой мысли. П.И. Новгородцев также демонстрирует высший пилотаж, выхватывая суть учения, создавая свою интерпретацию, где детали занимают скромное место. В работе, посвященной Канту и Гегелю, он разрабатывает свою концепцию, где учения немецких классиков предстают в глубоко переработанном виде. Можно соглашаться или не соглашаться с интерпретацией Новгородцева, но нельзя отрицать органичность, оригинальность и высокий уровень обобщения материала, на что способен далеко не каждый исследователь.

В советской и постсоветской литературе возобладали подход Б.Н. Чичерина, что смотрится скорее как недостаток, чем достоинство. Оптимально, конечно, совместить эти два подхода, чтобы студент мог видеть общие контуры учения, подтверждаемые немногочисленными деталями.

В.С. Горбань, зав. сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного Центра философско-правовых исследований ИГП РАН, д-р юрид. наук. Новая историография политико-правовой мысли как насущная задача юридических наук

История политической и правовой мысли составляет важнейшую часть всей системы знаний о праве. Сложно представить сколько-нибудь удачную и эффективную интеллектуальную культуру, которая могла бы обойтись без обращения к наследию прошлого и лучшим образцам обсуждения государства и права современности. Однако опыт многих стран показывает, что в настоящее время исторические сведения о праве как бы выводятся за скобки передовых форм обучения юристов. Например, на родине выдающихся мыслителей Нового и Новейшего времени, внесших значительный вклад в развитие всей современной юридической науки, в Германии, изучение философии права, которая включает в себя отдельные блоки по истории античной и западноевропейской правовой мысли, является факультативным, отнесено к дисциплинам по выбору.

Один из существенных факторов в развитии политико-правовой мысли — формула ее историографии. Если сделать детальный обзор различных вариантов описания истории политико-правовой мысли в разных образцах иностранной и отечественной литературы, то однозначный вывод можно сделать только один — структура и содержание истории политико-правовых знаний не отвечают часто ни требованиям достоверности, ни запросам современного общества.

Прежде всего, пока не существует никакой универсальной структуры или принципов описания истории политической и правовой мысли. В каждой европейской стране совершенно по-разному излагается история формирования правовых идей. Возможно, общие начала историографии политико-правовой мысли предстоит найти и определить в будущем.

Должен быть реализован принцип документальности и достоверности. Классика мало нуждается в интерпретациях, а по большей части в квалифицированном прочтении. Отбор источников познания и работа с ними должны соответствовать требованиям точности изложения, описания, разъяснения, критического восприятия. Нередко, к сожалению, приходится видеть иной подход, когда указанные моменты игнорируются. Например, текстологический анализ юридических сочинений позволяет многое рассказать о характере правовых взглядов, изменениях языка, понятий, композиционной структуре. Простой пример: мыслитель прибегает к использованию метафор, когда

заканчиваются логические средства объяснения. История правовой мысли должна усиливать социально-практическую направленность, показывать более точно связь учений с социально-практическими результатами. Она должна уметь распознавать, какое хождение имели те или иные идеи, служили ли они воспитанию и образованию, какие конкретно социально-практические результаты вызывали определенные учения и теории, каково, если оно имеется, их социально-политическое содержание.

И.Ф. Мачин, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук, доц. *Obiter dictum в политико-правовом нарративе*

Побочные темы политико-правового дискурса — это темы, которые затрагивались теми или иными авторами наряду с **главными** темами в их творчестве. Впоследствии эти «побочные» темы смогли приобрести значительную актуальность. Например, если с именем франко-швейцарского политического и правового мыслителя XVIII в. Ж.-Ж. Руссо сложилась устойчивая ассоциация как с автором теории общественного договора и теории народного суверенитета, то проблематика политической экологии, которую он лишь затронул, вошла в повестку дня современных цивилизованных обществ XXI в. Именно сейчас становится очевидным, что создание как политической, так и правовой системы в гармонии с природой стало одной из главных тем, от грамотного решения которой в настоящее время зависит судьба человечества.

В качестве еще одного примера можно привести рассуждения Аристотеля, который выработал наиболее известную классификацию форм правления. Именно эта классификация в дальнейшем служила калькой для классификаций, предлагаемых другими политическими мыслителями. Хорошо известно, что Аристотель в качестве критерия классификации использовал не только количество правящих, но и такой критерий, как характер властвования. Именно характер властвования, определяющий в настоящее время тот или иной государственный режим, сохраняет свое фундаментальное значение в современных политических исследованиях. Однако представляется, что Аристотель затронул и тему, которая в то время для него была **периферийной** (побочной). Речь идет о деонтологии государственной службы. Так, в работе «Политика» Аристотель высказал очень важную мысль о том, что занятие государственной должности — это почетное право, а отнюдь не почётная обязанность. И потому, полагает он, «если должностными лицами будут одни и те же, то остальные неизбежно окажутся лишёнными этой чести»⁶. Аристотель также блестяще рассматривает проблему «корыстолюбивого государства» — государства, в котором должности продаются; неправильным он признает и совмещение должностей одним лицом. Эти идеи Аристотеля делают его нашим современником, — государственная служба должна рассматриваться исключительно как служение обществу. Именно такое понимание государственной службы стало основополагающим, например, в современной Франции. Во французском административном праве в начале XX в. была выработана доктрина «публичной службы». Вот как содержательно характеризует эту доктрину французский правовед Ж. Шевалье: «Вначале доктрина публичной службы привела к подлинному переосмыслению административного права (это последнее больше не представлялось как право привилегий, теперь оно выступало как выражение особых обязанностей, которые лежат на администрации, и как инструмент для лучшего подчинения администрации праву), а затем и к совершенно новому

определению государства (последнее больше не выступает в качестве внешней и высшей инстанции по отношению к социальному телу, но выступает институтом, который подчинён гражданам, и гражданам же служит)»⁷.

Итак, темы политико-правового нарратива могут быть как главными, так и периферийными, что делает исследование политической и правовой мысли более содержательным и глубоким.

С.В. Липень, профессор кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф. *История политических и правовых учений: проблемы исследования и преподавания*

Такой подзаголовок — «проблемы исследования и преподавания» — имел изданный 45 лет назад сборник статей⁸, ориентированный в свое время и научные исследования, и практику преподавания истории политических и правовых учений. Завершается сборник тезисами «История политических и правовых учений: проблемы и перспективы», подготовленными сектором истории государства, права и политических учений Института государства и права АН СССР. Конечно, разнообразные организационные формы, в рамках которых обсуждались бы проблемы исследования и преподавания истории политических и правовых учений, нужны и сейчас.

О преподавании. Переход к уровневой системе высшего образования (бакалавриат — магистратура) отразился и на преподавании истории политических и правовых учений. Дисциплина была включена в число обязательных для изучения (в соответствии со стандартом магистерской юридической подготовки, действовавшим в 10-е годы XXI в.), во всех юридических вузах, что, безусловно, положительно сказалось на ее популярности. Однако магистерская подготовка не предполагает активной аудиторной нагрузки, там изучаются не объемные учебные курсы конституционного, гражданского, уголовного и т.д. права, а спецкурсы, направленные на углубленную подготовку по избранной магистерской программе, их объем относительно небольшой. И история политических и правовых учений — фундаментальная юридическая дисциплина, предполагающая и значительный объем времени для ее нормального освоения, — тоже стала рассматриваться в контексте всех остальных спецкурсов и получила в разных вузах, как правило, такой же объем аудиторных занятий, как и иные учебные дисциплины (обычно — одна-две лекции, пять-восемь семинаров). Конечно, в этих условиях преподавание истории политических и правовых учений отличается большой спецификой, этот учебный курс стал носить фактически ознакомительный характер. Обычно это все констатирую на лекции перед магистрантами и знакомлю их с основными традициями развития политико-правового знания (политико-правовая идеология древневосточных деспотий, поиски наилучшего государственного строя в античной мысли, теологические обоснования монархий, конкуренция между светской и церковной властью в Средние века, договорные теории как основная традиция буржуазной мысли в XVII–XVIII вв., конкуренция политических и правовых идеологий в XIX–XX вв.). Далее на немногих семинарах на примере отдельных концепций характеризую основные традиции в истории политических и правовых учений. Хорошо себя зарекомендовали и проблемно-тематические

⁷ Chevalier J. Doctrines juridiques et science juridique // Droit et Société. 2002. No. 50. P. 108.

⁸ См.: Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания / ред. колл.: В.Е. Гулиев, В.С. Нерсисянц и др. М., 1978.

⁶ Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 463.

практикумы, которые предлагают для оценки тексты классических мыслителей по отдельным юридическим вопросам (преступление и наказание, война и мир, законность, соотношение личных и общественных интересов и др. сообразно специализации магистерской программы)⁹. Наметилась и такая тенденция — при отказе от уровневой системы высшего юридического образования и возврате к специалитету историю политических и правовых учений могут и не оставлять как учебную дисциплину.

Применительно к развитию науки истории учений о праве и государстве — авторские позиции в отношении этого выражены в разделе «Наука истории учений о праве и государстве в XIX — начале XXI в.», подготовленном для одного из проектов Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) «История юридической науки в России»¹⁰. По всей видимости, нужна какая-то общая стратегия дальнейшего развития науки истории учений о праве и государстве. В безусловном внимании нуждается отечественное интеллектуальное политико-правовое наследие и в контексте преемственности научного знания, и в контексте уточнения оценок отечественных юридических доктрин, и в контексте поиска идентичности российской цивилизации и ее политико-правовой системы, которое в последние годы становится все более актуальным. Самым большим «белым пятном» в исследовании зарубежной юридической мысли видится, как ни странно, мысль середины — второй половины XX в. В советский период обращаться к современным зарубежным «буржуазным», в терминологии того времени, учениям можно было только в критическом плане, что-то и критиковалось, что-то просто не принималось во внимание. Сейчас интересные традиции осмысления политико-правовых проблем не только в юридических, но и в различных философских, социологических, политологических теориях XX в. Важным методологическим вопросом является и проблема разграничения исторических и современных идей — можно ли определить хронологическую границу между современными учениями, изучаемыми в рамках теории права, философии права, и историей политических и правовых учений? Если да, то где она проходит? Необходимо и определение роли и значения историко-политического знания в цифровую эпоху, в условиях сетевизации, виртуализации общественных отношений, четвертой промышленной революции.

Р.Ф. Степаненко, профессор кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета; профессор кафедры теории и истории государства и права Университета Управления «ТИСБИ», д-р юрид. наук, проф. Теория правовой маргинальности: на пересечении эпох

Перемены и трансформации современного миропорядка, погружая личность в метафизику «пограничья», размежевания с привычными и традиционными обстоятельствами и положением, образом жизни и т.д., продуцируют, как правило, непонимание своих статусных позиций, когнитивные рассогласования, чувства неуверенности, боязни и страха за завтрашний день, уязвимость собственного «я», искаженность реальности и др., инициированные отчуждением и ведущие к перманентной отчужденности во многих ее ипостасях. Маргинальность как одно из проявлений отчуждения, как и само отчуждение, — «родовая травма,

с которой человек рождается и умирает»¹¹, разница лишь в особенностях глубинности и конечности того и другого, в степени их взаимосвязанности и результатах воздействия на человеческое «Я», а также от возможностей личности воспринять или же превзойти отчуждение либо маргинальность. Избежать их фактически невозможно.

Представитель и основатель американской социологической школы Роберт Эрза Парк, изучая сущность миграционных процессов в США на рубеже XIX–XX вв., в статье «Человеческая миграция и маргинальный человек» (1928) говорит о «культурном гибриде» (маргинале. — *P.C.*) с характерными для него «культурной раздвоенностью», «конфликтностью», «девальвацией ценностей», «внутренним беспорядком напряженного самоосмысления», в душе которого «моральная неразбериха», а в сознании — «смешение культур»¹².

Научный интерес зарубежной социологии к феномену маргинальности былкратно преумножен исследованиями социальных философов и психологов, антропологов, культурологов, историков, политологов, конфликтологов, правоведов и др., сформировавшись в научную дисциплину «Общая теория маргинальности» как на американском континенте, так и в европейских странах. В работе швейцарских ученых Г. Гурунга и М. Колмэра «Маргинальность: различие концепций» (Цюрих, 2005) концептуально анализируются виды маргинальности: культурная, демографическая, религиозная, гендерная, возрастная, профессиональная, статусная, экономическая, политическая и др. Удаленность и отстраненность от символических (культурных, социальных, духовных, биопсихологических) центров характеризуют искомый феномен в зарубежной маргиналистике как почти предельный объект полидисциплинарных исследований гуманитарных и естественно-гуманитарных наук.

Отечественная теория маргинальности, начиная с 70-х годов прошлого столетия, демонстрирует значительный научный интерес к проблемам отчужденности, пограничности и аккомодации личности к целому ряду политических, экономических, социальных, культурных институций и образований, включая и правовые контенты включенности / исключенности в единообразное социальное пространство человеческой жизнедеятельности. На сегодняшний день защищено более 50 диссертаций в сфере философских, исторических, психологических, социологических, педагогических, экономических и юридических научных дисциплин.

Фигура маргинального человека, оказавшись эталонной единицей динамично развивающихся событий, генерирует значительный интерес социогуманитарных и естественно-гуманитарных наук с точки зрения приложения их тектонических усилий по формированию новых подходов и концепций, способных оказать содействие в сохранности его (человека) природных, духовных и социальных качеств, возлагая надежды на созданные им же институты права и государства.

Метаюридический характер связанности права с государством состоит в предсказуемости деятельности верховной власти и исполнении ею своих обещаний в части соблюдения и защиты прав и свобод человека¹³. Вместе с тем характер этой

¹¹ Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 488.

¹² Park R. Human Migration and the Marginal Man // American Journal of Sociology. 1928. No. 6. P. 881–893.

¹³ См.: Фролова Е.А. Государство и порядок: из опыта теории и философии права // Государство и право. 2022. № 1. С. 46–53. DOI: 10.31857/S102694520018269-6

⁹ Проблемно-тематический подход в изложении материала учебного курса в целом наиболее активно использован в: История политических и правовых учений: учеб. / отв. ред. В.В. Лазарев. 3-е изд., испр. и доп. М., 2016.

¹⁰ История юридической науки в России / под ред. В.В. Блажеева. 2-е изд. М., 2020. С. 45–78.

связанности тогда, когда она масштабированно представляет интерес преимущественно органов государственной власти, недостаточно ориентирована на интерес личности и общества, изобилует рестрикциями и запретами и т.д., интенсифицирует отчуждение человека от права и отчуждение правом человека, т.е. правовую маргинальность.

Как отмечалось, в юридическом смысле под правовой маргинальностью понимается специфическое социально-правовое явление, связанное с дисгармонией правовых отношений в сфере стратегий законодательного регулирования и итогами данной правовой политики. Дисгармоничность и низкая результативность, возникающие в ходе несогласованности интересов личности, общества и государства, способствуют изменениям правового сознания и правовой культуры; необратимости процессов разрушения регулятивно-устойчивых правовых качеств в поведении субъектов правоотношений; формированию отрицательного, агрессивного и общественно опасного отношения к праву и государству. Будучи элементом общесоциальной маргинальности, правовой ее компонент содержательно искажает ценности самого права в зависимости от его способности «улавливать» и учитывать состояния и качественные изменения политической, социально-экономической и духовно-нравственной ситуации внутри- и наднациональных областях, имеющих в высокой степени транзитивный и изменяющийся характер. Правовая маргинальность конституирует процессы отчуждения от права, выражаясь во внешне вполне правомерных, но по содержанию противоправных моделях маргинального поведения. Последнее как юридически нейтральный для догматической юриспруденции вид правового поведения характеризуется конформистским, индифферентным, нигилистическим и в крайних пределах агрессивным отношением к нормоустановлениям. При этом преобразование маргинального поведения имеет разнонаправленную динамику, начиная с вероятной сублимации (изменения негативной модификации на позитивную), к эскапизму (уходу от проблем), фрустрации (состоянию безысходности, аномии и аутоагрессии и др.), протестным реакциям (бунт, мятеж, экстремизм, терроризм и др.) крайне деструктивного свойства¹⁴.

Происходящие в правовой среде процессы гуманизации и оптимизации нормативной сферы, как представляется, могут стать одним из этапов в минимизации «отчуждения от права и отчуждения правом» — правовой маргинальности. В этом смысле междисциплинарные возможности фундаментальной юриспруденции гораздо более перспективны, нежели способность догмы права в части фиксации де-юре уже происходящего неправового в лоне регулируемого (подлежащего регулированию) нормой. Для чего изучение истории и современных правовых политических, социологических и иных учений в юридическом образовании, в том числе теории правовой маргинальности, становится необходимым условием противостояния правовому и мировому беспорядку, особенно на переломных моментах истории цивилизации.

И.У. Аубакирова, профессор Казахского государственного юридического университета им. М.С. Нарикбаева, д-р юрид. наук, почетный юрист Казахстана. Влияние изучения истории политико-правовых учений на формирование профессиональных компетенций юриста

Глубокое понимание политико-правовых учений есть необходимый компонент профессионального образования

юриста. Если убрать из учебной программы этот компонент, студенты могут остаться со значительными пробелами в знаниях о различных теоретических подходах к праву и государству, а также о методологических инструментах, которые используются для анализа правовых феноменов и институтов. Негативным следствием этого станет снижение качества подготовки будущих юристов и ограничение их возможностей в решении сложных юридических проблем.

Воззрения мыслителей являются ключевым элементом в познании сущности права, правовых ценностей и норм. Недостаточное знание политико-правовых учений увеличивает риски того, что у выпускника будет отсутствовать способность видеть правовой контекст, в котором правовые нормы функционируют, и, как следствие, он будет исходить из поверхностного их понимания.

Для будущих юристов важность изучения политико-правовых учений объясняется также тем, что помогает освоить сущность таких базовых принципов, как справедливость, равенство перед законом и верховенство права. Так, в своей профессиональной деятельности судьи, прокуроры, адвокаты, опираясь на знание политико-правовых учений, могут разработать более убедительную и эффективную аргументацию, основанную на правовых принципах. Юридическая профессия — публичная профессия. Юрист должен уметь эффективно коммуницировать с субъектами правовых отношений, и освоение накопленного багажа теоретических знаний может помочь ему убедительно и понятно выражать свои мысли и идеи.

Нельзя также не отметить, что изучение политико-правовых учений помогает понять, как политические процессы и решения могут повлиять на правовую систему, и наоборот, какие политические и правовые права и обязанности взаимодействуют между собой. Это важно также для лучшего понимания взаимодействия между правом и иными областями (такими, например, как экономика и социология). Извлекая полезные идеи из трудов мыслителей прошлого, юрист расширяет свои возможности разрабатывать комплексные и универсальные стратегии для решения правовых проблем и защиты интересов граждан и организаций.

Без изучения политико-правовых учений студенты могут также не овладеть навыками анализа и критической оценки правовых документов и юридических решений — ключевыми компетенциями юриста. Без понимания и использования методологических инструментов, таких как сравнительный анализ правовых систем или функциональный подход к праву, студенты могут ограничить свои возможности в исследовании и решении сложных юридических проблем. В частности, они не смогут ознакомиться с особенностями различных правовых школ и научных течений, что увеличивает риск влияния на их способность работать с международными правовыми актами и взаимодействовать с представителями разных правовых культур.

Правовые учения могут быть важным источником вдохновения для новых правовых концепций и теорий. Например, идеи правовой защиты человека и гражданина, которые были разработаны в доктринах Вольтера, Руссо, Монтескье, Гоббса и других мыслителей прошлого, стали основой современного права и защиты прав человека. Иными словами, изучение правовых учений прошлого позволяет не только понимать современное право, но и развивать новые правовые концепции на его основе.

Познание и ориентация на достижения разработчиков политико-правовых учений помогут юристам стать более этичными специалистами. Понимание политических и правовых

¹⁴ См.: Степаненко Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности: основные подходы и цели // Государство и право. 2015. № 5. С. 30—39.

принципов будет способствовать формированию профессионального правосознания с высоким этическим компонентом и ответственностью за свои действия.

Изучение политико-правовых учений, безусловно, должно быть неотъемлемой частью обучения будущих юристов, так как помогает им стать лучшими специалистами в своей области. Погружение в историю развития политико-правовых учений позволяет понять, как создавались правовые системы и как они работают, что может помочь юристам предсказывать, как будут решаться новые юридические проблемы на основе опыта прошлого.

В. Ю. Туранин, зав. кафедрой теории и истории государства и права Белгородского государственного национально-исследовательского университета, д-р юрид. наук, проф. Учебно-организационные аспекты преподавания дисциплины «История политических и правовых учений»

История политических и правовых учений — одна из фундаментальных теоретико-исторических дисциплин, в рамках которой рассматриваются закономерности развития политико-правовой теории, изучаются различные концепции права и государства, существовавшие в истории правовой науки. Вполне можно говорить о том, что освоение данной дисциплины закладывает у обучающихся базис фундаментальных знаний, который так необходим в рамках подготовки образованных, квалифицированных юристов, людей с высоким интеллектом.

К сожалению, история политических и правовых учений в различных вузах в настоящее время преимущественно изучается только в рамках магистратуры. Так, в Белгородском государственном национальном исследовательском университете на освоение данной дисциплины отводится 144 часа, из которых 10 часов лекций, 30 часов практических занятий и 68 часов самостоятельной работы магистрантов (очная форма), 4 часа лекций, 14 часов практических занятий и 117 часов самостоятельной работы магистрантов (заочная форма).

При этом во внимание необходимо брать, конечно же, прежде всего часы, отведённые на лекции и практические занятия, а их крайне мало, учитывая масштаб изучаемого материала. Об этом говорят и сами обучающиеся, подчеркивая существующий интерес к предмету и сетуя на небольшое количество часов очного общения с преподавателем. Это действительно большая проблема. Невозможно в полном объеме за несколько часов лекций и практических занятий раскрыть основные политико-правовые теории Древнего мира, Средних веков, Нового и Новейшего времени. Не говоря уже об огромном пласте информации, который характеризует историю политических и правовых учений России.

Полагаем, что вектор «уплотнения» теоретико-исторических правовых дисциплин, который реализуется в последние годы в контексте внедрения практико-ориентированного подхода к образовательной деятельности, имеет в том числе и существенные недостатки. В процессе обучения должен быть необходимый баланс фундаментальных и прикладных дисциплин, который позволяет каждому обучающемуся в полном объеме получать теоретические знания и прикладные навыки. Сегодня этот баланс нарушен, существует очевидный приоритет практико-ориентированных дисциплин, который сложился за счет сокращения объема учебных часов, отведенных на теоретико-исторические правовые дисциплины. Тем самым разрушается «ядро» юридического образования, которое содержит теорию государства и права, историю государства и права России

и зарубежных стран, философию права, историю политических и правовых учений и некоторые другие фундаментальные дисциплины.

Надеемся, что в рамках формирования новой национальной системы высшего образования в Российской Федерации паритет теории и практики при подготовке юристов будет восстановлен. Для этого необходимо, в частности, вернуть полноценный государственный экзамен по теории государства и права, увеличить количество часов на теоретико-исторические правовые дисциплины, а изучение дисциплины «История политических и правовых учений» предусмотреть в рамках базовой (основной) ступени высшего образования с приростом аудиторной нагрузки.

А. И. Клименко, начальник кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, д-р юрид. наук, проф. История политических и правовых учений в формировании основ правосознания юриста

История политических и правовых учений выступает как важная дисциплина, во многом формирующая научное мышление будущего юриста и ценностные основы его правосознания. Она вносит весомый вклад в формирование научного понимания правовой реальности и определения правовой действительности. Рассматривая идеи и взгляды на государство и право в их становлении и историческом развитии, по сути, история политических и правовых учений демонстрирует, что идеи и ценности формируются в контексте интересов и потребностей конкретных социальных сил и выражаются в идеологически детерминированных концепциях и теоретических моделях. Следует полностью согласиться с тем, что «политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества имеют классовый характер, создаются определенным классом, служат интересам этого класса»¹⁵. Необходимо помнить, что без понимания истории политических и правовых учений бывает трудно осознать и материал общеправовой теории, так как теоретические модели воспринимаются вне должного исторического контекста.

История политических и правовых учений хорошо показывает материальную природу правовых ценностей (полагаем, следует исходить в научном контексте именно из материалистического подхода к ценностям)¹⁶, а также демонстрирует идеологическую составляющую любой политико-правовой концепции. Это особенно важно в современных условиях нарастания противоречий и идеологического противостояния в мире. Форма подачи материала в рамках истории политических и правовых учений предполагает критическое осмысление всех наличных позиций, выявление интересов и потребностей определенных социальных групп, являющихся социальной базой этих идей.

Крайне важное требование к истории политических и правовых учений как науке — ее приверженность методам диалектического и исторического материализма¹⁷, что позволяет разрушать мифологические структуры разного рода — «черные мифы», дискредитирующие определенные направления российской (и не только) политико-правовой мысли, и противостоять фальсификации истории. Это дает возможность истории политических и правовых

¹⁵ История политических учений / под ред. С. Ф. Кечекьяна и Г. И. Федькина. М., 1955. С. 8.

¹⁶ См.: Философия права. Курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2011. Т. 1. С. 307, 308.

¹⁷ См.: Корифорт М. Диалектический материализм. М., 2021.

учений выступать важным инструментом борьбы с псевдонаучными идеалистическими концепциями, с одной стороны, и формировать ценностные основы мировоззрения юриста-профессионала — с другой.

С.Н. Касаткин, доцент кафедры теории права и философии Самарского государственного экономического университета, канд. юрид. наук.

Дисциплина «История политических и правовых учений» как одна из классических дисциплин академической юриспруденции предполагает системное методологическое и методическое обеспечение, а равно актуализацию в контексте текущего исторического момента. Ввиду этого хотелось бы обратить внимание на ряд аспектов, связанных с ценностью курсов истории политико-правовых учений, а также с установками, лежащими в основе ее исследования и преподавания.

Во-первых, обратимся к вопросу о ценности обсуждаемой дисциплины, обострившемуся в свете существенного сужения ее представленности в программах высшего юридического образования в России. Безусловно, обсуждать ценность данной дисциплины необходимо в более широком контексте представлений о том, каким мы хотим видеть современное российское общество, его экономику, политику, культуру, какими в этой связи должны быть юридическая наука и практика, юридическое образование, какими качествами должны обладать выпускники. Тем не менее, соглашаясь с коллегами, важно подчеркнуть большое значение / потенциал истории политических и правовых учений как дисциплины, работающей с осмыслением проблем права и государства наиболее фундаментального уровня, — дисциплины, которая практически не имеет аналогов среди других правоведческих курсов. История политических и правовых учений призвана расширить рамку интеллектуального опыта, помочь увидеть истоки современных политико-правовых идей и институтов, познакомить с множественностью языков рассуждения о праве и государстве, лучше понять собственную идентичность. Тем самым она обеспечивает уникальные компетенции: таковые, с одной стороны, носят базовый, системообразующий характер для формирования общего и профессионального правосознания, с другой — относительно независимы от меняющегося содержания законов, необходимы для успешного осуществления наиболее сложных, квалифицированных видов юридической деятельности, а равно трудно обретаемы в сугубо практическом контексте, без специального образования.

Вместе с тем, во-вторых, учитывая конкуренцию юридических курсов и образовательных программ, необходимо, насколько это возможно, более активное продвижение данной дисциплины и / или ее перестройка в новых условиях. Инструменты здесь могут быть различные. В данном сообщении хотелось бы отметить проблему определения содержания курсов по истории политических и правовых учений: обычно охватить все существовавшие политико-правовые доктрины не представляется возможным и нужным. Отсюда важно прояснить приоритеты (баланс) в выборе идей, персоналий, регионов, эпох и пр., подлежащих обсуждению в контексте конкретных задач курса, образовательной программы и пр.: например, следует ли давать предпочтение правовым, а не политическим учениям, доктринам современным, а не более давним, собственной или зарубежной (восточной или западной) интеллектуальной традиции, общим или специальным вопросам, позитивной или критической повестке и т.п. Как представляется, при прочих равных здесь важно идти от актуальности (современности

и близости целевой аудитории) рассматриваемых проблем и от наиболее значимых (наиболее распространенных, наилучших и пр.) образов их решения.

Наконец, в-третьих, в том числе в свете текущей обстановки, обратим внимание на ряд методологических вопросов в исследовании и преподавании истории политико-правовых учений, которые, по нашему мнению, не получили в отечественной литературе полноценного ответа.

1. Как следует читать инокультурные тексты, и прежде всего тексты современной западной интеллектуальной традиции? Нужно ли к ним относиться как к наиболее авторитетным образцам политико-правовой мысли или как к примерам ограниченного применения (к тому же, как иногда заявляется, враждебной к нам среды)? Ответ на подобные вопросы, в свою очередь, связан с прояснением позиции относительно существования (традиционно предполагаемой) универсальной повестки юриспруденции и того, как она вообще возможна, где представлена и в чем состоит.

2. По каким ключевым критериям следует оценивать политико-правовые учения? Так, используемые в советской науке подходы, связанные с идеологией и партийной принадлежностью, сегодня утратили свой приоритет / вес. Дискуссионными видятся и критерии прогрессивности, зависящие от самого понимания прогресса и его приложений. Критерий истинности, традиционно мыслимый в качестве базового в науковедении, представляется, с одной стороны, сложным в отношении к социогуманитарной сфере, с другой — подчиненным более фундаментальному критерию успешности теории.

3. Как следует определять / идентифицировать конкретные политические и правовые учения, с одной стороны, в свете плюрализма их национальных форм и трактовок, с другой — в условиях фрагментации (в том числе классических) интеллектуальных парадигм? Очевидно, что сложившаяся терминологическая система и традиционные методы определения через набор всегда необходимых и достаточных признаков будут здесь недостаточными и также нуждаются в переосмыслении.

А.А. Васильев, директор Юридического института, зав. кафедрой теории и истории государства и права Алтайского государственного университета, д-р юрид. наук. Место истории политических и правовых учений в юридическом образовании

Текущая ситуация по исключению или сокращению объема присутствия истории политических и правовых учений из учебных программ по юриспруденции связана с отсутствием концепции развития юридического образования и слабой организованностью юридического сообщества по отстаиванию статуса данной учебной дисциплины. Избранный вектор в трансформации юридического образования характеризуется такими тенденциями, как упрощение, примитивизация содержания образования и ставка на прикладные, практико-ориентированные аспекты в подготовке современного юриста, цифровизацию юридической деятельности.

К сожалению, в отсутствие концепции развития юридического образования представляется затруднительным сформировать целостный образ юриста-выпускника. Но можно утверждать, что речь идет о подготовке узкопрофессионального юриста-ремесленника, способного на решение ограниченного круга профессиональных задач в сфере толкования и применения правовых актов. При этом совершенно упускается из виду ключевая задача юридического образования — формирование не прикладных навыков,

а юридического мировоззрения и правовых ценностей. Решение данной задачи позволяет рассчитывать на воспитание высококультурных юристов с необходимыми этико-правовыми идеалами и установками, способных на саморазвитие, проявление творческого потенциала и воли в сложных юридических ситуациях.

При доминировании задачи на формирование юридического мировоззрения становится совершенно ясным, что теоретические и исторические юридические дисциплины здесь играют основополагающую роль. Среди теоретико-исторических дисциплин история политических и правовых учений занимает особое место, совмещая в себе несколько аспектов: философский, исторический и правовой. Благодаря своей многоаспектности история политических и правовых учений формирует ценностные ориентиры юриста, критическое мышление, способности к моделированию государственно-правовых институтов, патриотизм и толерантность к иным национальным правовым культурам.

Возвращение фундаментальных и академических традиций в юридическое образование возможно путем следующих шагов:

разработка на уровне Ассоциации юридических вузов России и Ассоциации юристов России концепции юридического образования с ее последующим утверждением главой государства;

переход к классическому специалитету по юриспруденции в подготовке юристов;

более жесткое регулирование порядка организации и осуществления образовательной деятельности по подготовке профессиональных юристов;

установление в федеральных государственных образовательных стандартах перечня обязательных для изучения дисциплин для всех юридических вузов, включая такие дисциплины, как теория государства и права, история государства и права России, история государства и права зарубежных стран, история политических и правовых учений, проблемы теории государства и права, юридическая техника, теория юридической квалификации. При этом вполне уместным было бы указание на минимальный объем контактной работы по данным дисциплинам. Так, по истории политических и правовых учений минимальным мог быть объем в 72 часа.

Д.В. Масленников, проректор по научной работе Русской христианской гуманитарной академии, зав. кафедрой философии, религиоведения и педагогики, д-р филос. наук, проф. Соотношение теории права, философии права, истории правовых и политических учений как учебных дисциплин

И. Кант, сравнивая вопрос «Что такое право?», обращенный к учителям правоведения, с вопросом «Что есть истина?», обращенным к учителям логики, утверждал: как наука о внешних формах мышления не способна раскрыть всеобщую природу истины, так и анализ совокупного содержания, «которое утверждали когда-либо законы какой-нибудь страны», не может раскрыть того, что есть истина в форме абсолютного блага, т.е. право.

На первый взгляд может показаться, что это знание излишне для юриста, по крайней мере для практика в области правоотношений. Однако без него юрист не сможет отличить государство от шайки разбойников (вопрос об этом различии был поставлен Августином, а в наше время повторен Г. Хартом). Без научного понятия о праве или хотя бы без общего представления о нем, формирующего то, что называется «интуицией права», формула Радбруха также

была бы просто грамматической конструкцией, лишенной нравственного содержания и юридического смысла.

Такое понятие права, казалось бы, должна составить теория права. Но до настоящего времени эта наука имеет скорее аналитический характер. Она выявляет всю полноту моментов идеи права, но не эксплицирует то их единство, которое способно дать синтезирующее мышление. Поэтому для юриста нет другой возможности обрести синтетическое понятие права иначе, как ученически следуя за великими мыслителями прошлого, обращавшими силу своего мышления к сущности и смыслу права. Только погружаясь в историю правовых учений, можно понять природу права и овладеть культурой «обращения» с чистыми умопостигаемыми предметами. Единого результата здесь быть не может. Результат всегда будет зависеть и от степени интенсивности мышления ученика, и от того, какие приоритетные направления в истории правовых учений он для себя выберет.

Таким образом, теория права осуществляет анализ понятия права с учетом результатов современного практического опыта. История правовых и политических учений дает синтез понятия права, отвечая на кантовский вопрос «Что такое право?». Философия права должна раскрыть, почему возможна такая умопостигаемая сущность, как право, как вообще возможно бытие абсолютных ценностей, делающих насилие легитимным, а следование правовым нормам — нравственным благом.

Поскольку философско-правовое содержание имплицитно уже содержится в основных правовых учениях прошлого, постольку специальное изучение философии права в юридических вузах, может быть, и не обязательно. Однако оно совершенно необходимо там, где целенаправленно готовят теоретиков права.

В.П. Сальников, профессор Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ. Роль философии права для подготовки специалистов в области теории права

Философия права должна в первую очередь раскрыть связь основных правовых норм и высших нравственно-правовых ценностей государства и общества, формирующихся в процессе исторического развития национальной правовой культуры народов России. В той мере, в какой философия будет выражать сущность этого комплекса ценностей, она будет выполнять функции суверенной философии права. Опираясь при этом на фундамент традиции классиков политико-правовых учений, прежде всего русской философии права, суверенная философия права сможет выступить теоретической платформой для выработки независимой правовой идеологии и правовой политики Российского государства. Значение научного, и прежде всего философского, мышления в том и состоит, чтобы обеспечить связь практики настоящего и опыта прошлого, который сегодня может существовать лишь в форме научной мысли. Только на этой основе здание современной государственности будет устойчиво. Следует постоянно иметь в виду, что подлинный суверенитет государства невозможен, если его правовая система основана на принципах заимствованной философии права, без учета исторических устоев и традиций правосознания народа.

Создатель московской школы «возрожденного естественного права» П.И. Новгородцев отмечал, что «в произведениях Достоевского мы находим отчетливейшее выражение русского мировоззрения, у него мы находим и глубочайшие основы русской философии права». Творчество Ф.М. Достоевского имеет исключительное значение для осмысления метафизических основ национальной правовой

культуры. Это наследие может и должно составить аксиологический базис профессионального образования юристов в России.

Т.Р. Орехова, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. *Строить будущее, не забывая о прошлом*

Значение учебной дисциплины «История политических и правовых учений» (которая часто рассматривается как якобы «чисто теоретическая дисциплина») для обучения юристов определяется рядом факторов.

Во-первых, это резко обострившаяся в последние годы борьба на международной арене, носящая не только и не столько межгосударственный, сколько межкультурный характер, превратившаяся в гибридную войну, основным полем боя которой является духовная и идеологическая сфера. При этом главная задача наших противников — духовная и идеологическая делегитимизация России и ее народа, доказательство своего права на отказ от международных норм и обычаев межгосударственных отношений, от принятого понимания прав и свобод человека и гражданина; появились и «раскручиваются» учения, основная задача которых извратить и подменить историю научной гуманитарной мысли человеческой цивилизации на трансгуманистические и откровенно сатанистские идеи и учения. Подменяются слова и смыслы, разрушаются духовные ценности, стираются из памяти научные достижения, общество атомизируется, а человек сводится к «тупой биологической машине».

Противостоять этому можно, только имея твердую научную позицию и некую более или менее целостную концепцию развития современного социального общественного устройства, при которой текущее состояние мира и внушаемые перспективы не будут рассматриваться как единственно возможные и предопределенные. Людям, и особенно молодежи, лишенным понимания процессов социального и политического развития, законов и закономерностей такого развития, можно навязать любой, самый антигуманный сценарий и образ будущего как естественный и неизбежный.

Поэтому молодым юристам, ученым и практикам предстоит грамотно и компетентно реагировать на вызовы сегодняшнего дня и идеологические диверсии, которые распространяются в открытом для информации, свободном для разных мнений обществе.

Во-вторых, это проблема т.н. искусственного интеллекта, виртуальной реальности, нейросетей и т.д. Можно уверенно сказать, что развитие компьютерных технологий идет по самому антигуманному направлению. Я далека от панических мыслей о поражении человечества и от призывов остановить развитие компьютерных технологий; безусловно, во всех счетных и опирающихся на математическую логику видах деятельности машины уже превзошли человека, и дальше этот разрыв будет только увеличиваться. Огромное количество рабочих мест, особенно для гуманитариев, юристов, экономистов, дизайнеров и т.п. будут потеряны для людей навсегда, более того, встанет вопрос о сохранении людей вообще в этих профессиях, а также в таких профессиях, как врачи и педагоги. Вот здесь, в этой самой точке и будет решаться будущее цивилизации. Если молодое поколение не будет вооружено научным мировоззрением и безропотно примет априори правильность и безошибочность действий компьютеров, то цивилизация погибнет, и не потому, что нас поработит «злой искусственный

интеллект», а потому, что мы перестанем думать, проявлять эмпатию, творить и развиваться.

Пока, а возможно, что и навсегда, человеческий разум будет превосходить искусственный интеллект в возможностях обобщения, ассоциативном мышлении и творчестве как создании нового и небывалого. Только в этом и в его любви к ближним кроется та сила, которая с помощью Божьей может помочь человечеству преодолеть стоящие перед ним вызовы. Но для того, чтобы развивать сильные стороны человеческого мозга, его, безусловно, необходимо тренировать на лучших примерах достижений человеческого разума, на достижениях человеческого духа и стройной картине духовного и интеллектуального развития цивилизации. Именно поэтому на современном этапе не снижается, а резко повышается роль и значение общетеоретических гуманитарных дисциплин, в том числе и истории правовых и политических учений, во-первых, создающих фундамент для формирования целостной картины мира и основу для выделения из потока информации лжи и психологического давления на каждого человека, во-вторых, изучение которых позволяет тренировать человеческий мозг, создавать новые нейронные связи и формировать новый тип мышления, самостоятельный и творческий.

Практическое значение данной учебной дисциплины для юристов также усматривается и в том, что ее содержание помогает с исторического ракурса рассмотреть существующие и «испытанные временем» институты государства и права, сформировать уважительное к ним отношение и тем самым создать фундамент настоящего академического образования.

М.А. Беляев, доцент кафедры философии и социологии МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), канд. филос. наук. *История политических и правовых учений в контексте культурно-исторической эпистемологии*

История политических и правовых учений характеризуется предметным и функциональным своеобразием, отличаясь от истории правовых институтов, с одной стороны, и истории юридической науки — с другой. Исторический подход как таковой культивирует в сознании познающего субъекта умение проводить различие между уникальным и повторяющимся, прогрессивным и отстающим, необходимым и случайным. Если история государства и права нужна обучающимся для понимания закономерностей правотворчества и правовой политики в целом, то история политических и правовых учений позволяет реконструировать некий смысловой континуум, в котором созревают идеальные основания любой юридической деятельности, от создания права до его интерпретации. Такого рода основания лишь иногда выступают предметом рациональной рефлексии, в обычном же своем режиме они существуют скрыто и не выражаются в виде понятий или принципов. Достаточно красноречиво в этом отношении понятие «исторического априори», введенное М. Фуко в сочинении «Слова и вещи» (1966) и оказавшееся востребованным в силу невозможности распространения эпистемологии «Критики чистого разума» ни на одну конкретную научную дисциплину. Чисто трансценденталистский анализ научного познания выводит за скобки немало того, что как раз и является гарантией единства познающего логоса, а опосредованно — и единства познаваемого мира. В попытке отойти от строгой кантовской аналитики, которой соответствует единый и непрерывный механизм производства знания, М. Фуко (а немного позднее и К. Хюбнер) фиксирует наличие исторически конкретных конфигураций знания, в пределах которых семейства научных понятий обладают относительно однородной

семантикой и сочетаются между собой по единым правилам. При этом в каждой локальной конфигурации предельные основания научных истин разные, а попытка их совмещения обречена на провал. В этом смысле роль истории политических и правовых учений состоит именно в открытии своего исторического априори для каждой эпохи.

Это открытие имеет три важных измерения: мировоззренческое (экспликация несовместимых картин социокультурной реальности), методологическое (представление о способах приращения политико-юридического знания в данное историческое время), аксиологическое (постижение системы ценностей, формально присущей тому или иному автору концепции, а в действительности выражающей состояние общественного сознания на определенном временном отрезке).

О.М. Караташ, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти РГУП. *Правопонимание как предметная область истории политических и правовых учений и теории права*

Проблема правопонимания прочно закрепилась в отечественной юридической науке, носит междисциплинарный характер и входит в предметную область фундаментальной юриспруденции. История политических и правовых учений позволяет исследовать представления о праве сквозь призму веков, показывает сложности поиска понятия права в пространственно-временном контексте. Именно в истории политических и правовых учений, в основе которой лежат портретный, предметный, временной, страноведческий подходы, представлены в более полной мере весомые концепции понимания права. Каждый автор выступал со своими методологическими притязаниями на истинность в понятии права. Но какое-либо одно из них было и есть недостаточно для всестороннего исследования такого социального регулятора, как право. В современной учебной и научной литературе теории права, ставя перед собой задачу показать плюрализм в правопонимании, обращаются к истории политической и правовой мысли и выделяют основные (ведущие) виды, типы, группы, подходы, направления, теории, традиции, концепции и школы правопонимания, рассматривают среди них классические и неклассические. Таким образом, мы видим, что предмет истории политических и правовых учений и теории права частично пересекается и нуждается в более четком разграничении. Отметим, что в учебниках по теории государства и права авторы избирательно подходят к подбору правовых концепций и отводят разный объем в их изложении.

Познавательная ценность истории политических и правовых учений заключается в том, что эта наука позволяет на стыке истории, философии и других социогуманитарных наук целостным образом исследовать концепции правопонимания и показать развитие представлений о праве, а значит, выявить предпосылки современного понимания права. Тезис о том, что история политических и правовых учений является историей теории государства и права, в полной мере подтверждается на теме правопонимания. Теория права призвана изучать само право в наиболее общем виде, в ней вырабатываются общие понятия и конструкции, обобщения нарастают по мере отвлеченности юридической мысли и образуют разрыв теории и практики. Вместе с тем в теории права в отличие от других дисциплин фундаментального цикла проблема правопонимания носит практический характер. Следует исходить из того, что каждая концепция предлагает свои варианты по реализации права и роли права в регулировании общественных

отношений. Представляется, что предметом теории права могут быть только те идеи истории политических и правовых учений, которые продолжают оказывать влияние в настоящее время и могут быть восприняты на практике. Проблемы правопонимания возможно решать общими усилиями представителями всех юридических наук, в частности историей политических и правовых учений и теорией права предназначены исследовать отживающие и нарождающиеся значимые правовые идеи.

Л.В. Лукьянчикова, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, д-р юрид. наук, канд. ист. наук. Д.И. Каченовский о значении дисциплины «История политических и правовых учений»

История политических и правовых учений — одна из классических фундаментальных дисциплин отечественных юридических вузов, предметом которой является бесценный опыт всемирной истории политической и правовой мысли¹⁸. Традиция преподавания основ политико-правовых воззрений была заложена на юридическом факультете Московского университета в XVIII в.¹⁹, во второй половине XIX в. был сформирован не только предмет ИППУ в более близком нам понимании, но и его задачи, не теряющие актуальности и в наши дни.

Выдающийся русский правовед Д.И. Каченовский в вопросе о значимости предмета стремился не только «возбудить молодое поколение к самостоятельному изучению государственных наук», но и в целом дать исчерпывающий ответ о пользе политических наук, их природе и особенном характере. Так, ученый указывал на то, что у каждого образованного народа можно найти писателей, которые изучают законы и явления общественной жизни *sine ira et studio* без всяких предрассудков, не увлекаясь ни корыстными целями, ни духом партий, и что политические идеи вырабатываются под влиянием местных обществ, современных отношений. Однако, несмотря на противоречия, заключал он, человечество в лице передовых своих органов стремится к лучшему своему общественному состоянию и постепенно приобретает твердые политические начала для мысли и действия²⁰.

О том, что русскому народу нужно политическое образование и что оно тесно связано с гражданственностью, мыслитель резюмировал, что России свойствен политический дилетантизм, и почти каждый **борзописец** (выделено мной. — Л.Л.) считает себя признанным и готовым судить о политике или упражняться в решении текущих ее вопросов. Серьезное политическое воспитание, по мнению Д.И. Каченовского, есть насущная потребность русского общества; политические науки нужны не только в нынешнее время, но и для будущего; они содержат в себе указания, годные для каждого свободного народа, и решают общие вопросы жизни.

Чтобы усовершенствовать и обновлять государственный быт, подчеркивал он, чтобы делать полезные преобразования в управлении, всегда требуются сведущие и опытные

¹⁸ См., напр.: *Фролова Е.А.* История политических и правовых учений: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023.

¹⁹ См.: *Коркунов Н.М.* С.Е. Десницкий. Первый русский профессор права. СПб., 1894. С. 9.

²⁰ См.: *Каченовский Д.И.* Взгляд на историю политических наук в Европе. М., 1859. С. 1–38.

люди. Отсутствие или упадок гражданского воспитания, констатировал ученый, в стране влечет за собой более тяжелые последствия, чем обыкновенно думают: когда умственное равновесие потеряно, даже сведения в науках технических и естественных кажутся несостоятельными²¹.

Лю Цюэнь (Liu Qiucen), преподаватель Института прав человека Юго-Западного университета политологии и права КНР, канд. юрид. наук. Развитие юридических учений в КНР в Новое время

В XX в. в КНР самая важная задача для юристов была найти баланс между традиционными и зарубежными правовыми учениями, в реформе права с 1978 г. важнейшим понятием считается правовое государство. В XXI в. и правительство, и народ больше обращали внимание на теорию прав человека и судебную практику.

В Китае традиционно в процессе познания юриспруденции основное внимание концентрируется на вопросах правовых обычаев, политического курса и социальной идеи. По мнению китайских юристов, на Западе правовое государство успешно развилось потому, что правовой обычай, правоприменительная практика и статутное право принадлежат к единому понятийному и логическому пространству, между ними нет четкой границы и существенных противоречий²². В Китае же, где правовые документы западного образца начали создаваться недавно (в первой трети XX в.), а их прототипы заимствованы извне (в основном ими стали законодательные акты стран романо-германской правовой семьи), заложение основ правового государства в его западном понимании затруднено и производится осторожно, так как между национальным обычаем и молодым статутным правом лежит мировоззренческая пропасть. Из-за особенных исторических и культурных причин развитие государства и права Китая происходит по особому пути с «китайской спецификой».

В современном Китае преобразование правовой системы разделяют на две части:

1. 1949–1978 гг. — период попытки создания правового государства, сильное влияние марксистской и советской теории государства и права на юриспруденцию Китая.

В марте 1950 г. был создан Китайский народный университет, который до сих пор тоже считается одним из лучших университетов в КНР. На новый юридический факультет этого Университета пришли многие советские юристы, чтобы помочь создать юридические педагогические системы в молодом государстве (Е.М. Семерихин (теория государства), Л.Д. Воеводин (теория государства), Л.И. Савинский (международное право), К.К. Яичков (теория государства), А.М. Быстрова (уголовное право), О.А. Красавчиков (гражданское право), С.А. Домахин (уголовное право) и т.д.)²³.

2. После 1978 г. открытие, модернизация и глобализация стали ключевыми словами, заметно ослабление влияния советского права; КНР начинает перенимать опыт стран, в которых уже создано правовое государство (США, Германия).

Формирование и развитие идей правового государства в КНР осуществлялось на фоне и в контексте дискуссий о соотношении модернизации и правовой традиции древнего китайского права. Создание современного правового

режима в государстве считается необходимой и трудной задачей, стоящей перед политическими лидерами Китая.

Развитие юриспруденции неотделимо от наследия исторического правоведения, которое не является исключением ни для Китая, ни для других стран. После реформы в 1978 г. китайские юристы стали более рациональными и зрелыми в том, что касается усвоения, извлечения уроков, передачи и закрепления результатов исторического развития права.

Как в одном из самых древних государств в мире, в Китае отлаженная технология аннотаций кодексов есть важный результат исследований в области юриспруденции. Традиция статутного права появилась до нашей эры, в династии Тан (618–907 гг.) в Китае уже был кодекс. В 652 г. был опубликован известный закон *Танлюшуйюй*²⁴ — один из самых древних писанных законов в Восточной Азии и самый древний и полный феодальный Уголовный кодекс Китая, в общей сложности 30 томов. В этом Кодексе содержится тщательное, систематическое и полное толкование текста закона, причем не только ограничительное толкование и расширение, но и интерпретация по аналогии толкования более чем 190 используемых в настоящее время терминов, применяемых в законодательстве²⁵. После династии Сун (960–1279 гг.) результаты толкования законов династии Тан унаследовали законодатели и юристы, которые превратили их в школьную, правовую и культурную традицию. В частности, по сравнению с западными странами деятельность по комментированию кодексов в наших древних правовых исследованиях характеризовалась также тем, что законодатели одновременно готовили пояснительные записки к законам, а также весьма изысканные комментарии к ним. Все это унаследовано от китайского института права.

Обычаи также играют важную роль в судебной практике как неофициальный источник права. В последние 30 лет много обычаев признаются законодательным органом государства и стали государственным законом, чтобы регулировать отношения между государственным правом и исторической традицией.

Таким образом, КНР пытается создать систему правовых учений, которая отвечает своим собственным потребностям в развитии общества.

А.В. Пищулин, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. Место истории политических и правовых учений в системе теоретико-правовых наук

История политических и правовых учений в России как наука, безусловно, имеет внушительную интеллектуальную традицию. Она изучает государственные и правовые взгляды мыслителей разных эпох на государство и право. Таким образом, мы можем видеть развитие государственно-правовой мысли сквозь века, и можно назвать эту науку элементом даже в каком-то смысле коллективного сознания общества.

История политических и правовых учений непосредственно связана с теорией государства и права и выполняет важнейшую методологическую функцию для последней. Например, трудно себе представить тематику правопонимания, столь традиционную для теории государства и права, без обращения к истории политических и правовых учений. Именно взгляды отдельных ученых на государство и право, которые обсуждаются в политических и правовых учениях, и образуют основу

²¹ См.: Каченовский Д. О современном состоянии политических наук на Западе Европы и в России. Харьков, 1862. С. 1–11.

²² См.: 桑本謙. 法治及其社会资源J. 现代法学, 2006 (1).

²³ См.: 外国专家局档案馆资料.

²⁴ 《唐律疏议》.

²⁵ См.: 何勤华: 《中国法学史》(第一卷), 法律出版社 2006 年版, 第 435、第 451 页.

для теоретических размышлений в теории государства и права о типах правопонимания. То есть здесь видна неразрывная связь между этими двумя науками, и в каком-то смысле историю политических и правовых учений можно считать мировоззренческой основой для теории государства и права.

Очевидна также связь истории политических и правовых учений с философией права. Если смотреть на западную традицию разделения обсуждаемых наук, то зачастую мы с трудом увидим различия между историей политических и правовых учений и непосредственно философией права. Так как именно отдельные взгляды правоведов зачастую являются предметом философии права на Западе. Однако в отечественной традиции эти предметы считаются различными. Но, тем не менее, чтобы рассуждать об основных разделах философии права (как, например, онтология, гносеология или аксиология права), в отечественной традиции права используются как база взгляды ученых из науки истории политических и правовых учений. Другое дело, если история политических и правовых учений занимается непосредственным хронологическим описанием тех или иных взглядов ученых, то философия права в отечественной традиции занимается обсуждением конкретных философских проблем, но во многом на той же базе материала, который дан в истории политических и правовых учений.

В обсуждаемом контексте можно утверждать, что понижение статуса науки о политических и правовых учениях как учебной дисциплины, которое произошло за последние годы, довольно печально и не дает совершенствоваться юридическому образованию, а наоборот, некоторым образом упрощает и снижает значимость всего блока теоретико-правовых дисциплин в России.

О.Ю. Кузьмицкая, ассистент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. *История политических и правовых учений: инструментальная и мировоззренческая ценность*

История политических и правовых учений — научная и учебная дисциплина государственно-правового цикла. На протяжении многих лет она в этом качестве преподается на юридических факультетах высших учебных заведений России, в европейских университетах. Несмотря на то что к числу дисциплин государственно-правового цикла относятся такие дисциплины, как «Теория государства и права», «История отечественного государства и права», «История государства и права зарубежных стран», «Конституционное право России», «Конституционное право зарубежных стран», «Административное право», значение истории политических и правовых учений сложно переоценить. Среди авторов, изучаемых в курсе истории политических и правовых учений, софисты, Платон и Аристотель, Фома Аквинский и Марсилиус Падуанский, Кант и Гегель, Кельзен и др. В рамках данной дисциплины анализируются политико-правовые учения и многих современных мыслителей.

О важности истории политических и правовых учений говорит то влияние, которое оказывала и продолжает оказывать политико-правовая мысль на развитие государственных, общественных институтов. Для понимания важности и огромной роли истории политических и правовых учений как учебной и научной дисциплины необходимо обратиться к истории преподавания данного предмета в России. Так, самый первый в стране труд, содержащий систематическое изложение учений о государстве и праве, принадлежит профессору Петербургского университета К.А. Неволину — «История философии законодательства». Монография Б.Н. Чичерина в пяти томах вышла в свет уже

под названием «История политических учений». Большое распространение получило название «История философии права» — это учебники Н.М. Коркунова, П.И. Новгородцева, Г.Ф. Шершеневича, Е.Н. Трубецкого.

В 1950–1970 гг. в СССР было принято название «История политических учений». В настоящее время название курса носит название «История политических и правовых учений», что в должной мере отражает и предмет, и важность, и содержание курса. Все вышеуказанное позволяет сделать вывод, что это особый род мыследеятельности и особая учебная и научная дисциплина. В этой дисциплине содержится громадный политико-правовой опыт прошлых поколений, сформулированы итоги предыдущих исследований политико-правовой мысли и многих институтов становления и эволюции законодательства, политических институтов и властеотношений. В свою очередь, все эти вопросы есть важнейшая составляющая нравственной культуры человеческой цивилизации.

Таким образом, для студентов, изучающих историю политических и правовых учений, знание истории политических и правовых взглядов необходимо как с практической, так и с культурной точки зрения. Ведь именно опыт показывает исследователю результаты, эффективность той или иной политико-правовой доктрины. Благодаря познавательному, ценностному значению история политических и правовых учений заняла свое исторически оправданное важное место в системе юридических наук и дисциплин, а также в целом в современной системе юридического образования в России и на международной арене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 463.
2. Еллинек Георг. Общее учение о государстве. СПб., 2004. С. 290–331.
3. История политических и правовых учений: учеб. / отв. ред. В.В. Лазарев. 3-е изд., испр. и доп. М., 2016.
4. История политических учений / под ред. С.Ф. Кечекьяна и Г.И. Федькина. М., 1955. С. 8.
5. История юридической науки в России / под ред. В.В. Блажеева. 2-е изд. М., 2020. С. 45–78.
6. Каченовский Д.И. Взгляд на историю политических наук в Европе. М., 1859. С. 1–38.
7. Каченовский Д. О современном состоянии политических наук на Западе Европы и в России. Харьков, 1862. С. 1–11.
8. Коркунов Н.М. С.Е. Десницкий. Первый русский профессор права. СПб., 1894. С. 9.
9. Корнфорт М. Диалектический материализм. М., 2021.
10. Котляревский С.А. Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 332.
11. Кроткова Н.В. Государственно-правовые взгляды С.А. Котляревского. М., 2011. С. 96–113 (Серия «Актуальные юридические исследования»).
12. Кроткова Н.В. История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31.
13. Политические и правовые учения: проблемы исследования и преподавания / ред. колл.: В.Е. Гулиев, В.С. Нерсисянц и др. М., 1978.

14. Спиридонова В.И., Соколова Р.И., Шевченко В.Н. Россия как государство-цивилизация: философско-политический анализ / отв. ред.: В.И. Спиридонова, В.Н. Шевченко. М., 2016. С. 48.
15. Степаненко Р.Ф. Общеправовая теория маргинальности: основные подходы и цели // Государство и право. 2015. № 5. С. 30–39.
16. Философия права. Курс лекций: учеб. пособие: в 2 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. М., 2011. Т. 1. С. 307, 308.
17. Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 488.
18. Фролова Е.А. Государство и порядок: из опыта теории и философии права // Государство и право. 2022. № 1. С. 46–53. DOI: 10.31857/S102694520018269-6
19. Фролова Е.А. История политических и правовых учений: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023.
20. Чичерин Б.Н. История политических учений / подготовка текста, вступ. ст. и комм. И.И. Евлампиева. СПб., 2006. Т. 1. С. 28.
21. Chevalier J. Doctrine juridique et science juridique // Droit et Societe. 2002. No. 50. P. 108.
22. Park R. Human Migration and the Marginal Man // American Journal of Sociology. 1928. No. 6. P. 881–893.
23. 桑本謙. 法治及其社会资源J. 现代法学, 2006 (1).
24. 何勤华: 《中国法学史》(第一卷), 法律出版社 2006 年版, 第 435, 第 451 页.
7. Kachenovsky D. On the current state of political science in Western Europe and in Russia. Kharkov, 1862. P. 1–11 (in Russ.).
8. Korkunov N.M. S.E. Desnitsky. The first Russian Professor of Law. St. Petersburg., 1894. P. 9 (in Russ.).
9. Kornfort M. Dialectical materialism. M., 2021 (in Russ.).
10. Kotlyarevsky S.A. Power and Law. The problem of the Rule of Law. M., 1915. P. 332 (in Russ.).
11. Krotkova N.V. State-legal views of S.A. Kotlyarevsky. M., 2011. P. 96–113 (Series “Actual legal studies”) (in Russ.).
12. Krotkova N.V. History and methodology of legal science (“Round Table” of the Department of theory of state and law and political science of the faculty of law at Lomonosov Moscow State University and the journal “State and Law”) // State and Law. 2016. No. 4. P. 5–31 (in Russ.).
13. Political and legal doctrines: problems of research and teaching / ed. coll.: V.E. Guliyev, V.S. Nersesyants et al. M., 1978 (in Russ.).
14. Spiridonova V.I., Sokolova R.I., Shevchenko V.N. Russia as a state-civilization: philosophical and political analysis / ed.: V.I. Spiridonova, V.N. Shevchenko. M., 2016. P. 48 (in Russ.).
15. Stepanenko R.F. The general legal theory of marginality: basic approaches and goals // State and Law. 2015. No. 5. P. 30–39 (in Russ.).
16. Philosophy of Law. Course of lectures: textbook: in 2 vols / ed. by M.N. Marchenko. M., 2011. Vol. 1. P. 307, 308 (in Russ.).
17. Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and add. / ed. and comp. V.N. Zhukov. M., 2021. P. 488 (in Russ.).
18. Frolova E.A. State and order: from the experience of theory and Philosophy of Law // State and Law. 2022. No. 1. P. 46–53. DOI: 10.31857/S102694520018269-6 (in Russ.).
19. Frolova E.A. History of political and legal doctrines: textbook. 3rd ed., reprint and add. M., 2023 (in Russ.).
20. Chicherin B.N. History of political doctrines / preparation of the text, introductory article and commentary by I.I. Evlampiev. SPb., 2006. Vol. 1. P. 28 (in Russ.).
21. Chevalier J. Doctrine juridique et science juridique // Droit et Societe. 2002. No. 50. P. 108.
22. Park R. Human Migration and the Marginal Man // American Journal of Sociology. 1928. No. 6. P. 881–893.
23. 桑本謙. 法治及其社会资源J. 现代法学, 2006 (1).
24. 何勤华: 《中国法学史》(第一卷), 法律出版社 2006 年版, 第 435, 第 451 页.

REFERENCES

1. Aristotle. Politics // Aristotle. Essays: in 4 vols. M., 1984. Vol. 4. P. 463 (in Russ.).
2. Jellinek Georg. The general doctrine of the state. SPb., 2004. P. 290–331 (in Russ.).
3. History of political and legal doctrines: textbook / ed. by V.V. Lazarev. 3rd ed., rev. and add. M., 2016 (in Russ.).
4. History of political doctrines / ed. by S.F. Keckeyan and G.I. Fedkin. M., 1955. P. 8 (in Russ.).
5. History of legal science in Russia / ed. by V.V. Blazheev. 2nd ed. M., 2020. P. 45–78 (in Russ.).
6. Kachenovsky D.I. A look at the history of political science in Europe. M., 1859. P. 1–38 (in Russ.).
7. Kachenovsky D. On the current state of political science in Western Europe and in Russia. Kharkov, 1862. P. 1–11 (in Russ.).
8. Korkunov N.M. S.E. Desnitsky. The first Russian Professor of Law. St. Petersburg., 1894. P. 9 (in Russ.).
9. Kornfort M. Dialectical materialism. M., 2021 (in Russ.).
10. Kotlyarevsky S.A. Power and Law. The problem of the Rule of Law. M., 1915. P. 332 (in Russ.).
11. Krotkova N.V. State-legal views of S.A. Kotlyarevsky. M., 2011. P. 96–113 (Series “Actual legal studies”) (in Russ.).
12. Krotkova N.V. History and methodology of legal science (“Round Table” of the Department of theory of state and law and political science of the faculty of law at Lomonosov Moscow State University and the journal “State and Law”) // State and Law. 2016. No. 4. P. 5–31 (in Russ.).
13. Political and legal doctrines: problems of research and teaching / ed. coll.: V.E. Guliyev, V.S. Nersesyants et al. M., 1978 (in Russ.).
14. Spiridonova V.I., Sokolova R.I., Shevchenko V.N. Russia as a state-civilization: philosophical and political analysis / ed.: V.I. Spiridonova, V.N. Shevchenko. M., 2016. P. 48 (in Russ.).
15. Stepanenko R.F. The general legal theory of marginality: basic approaches and goals // State and Law. 2015. No. 5. P. 30–39 (in Russ.).
16. Philosophy of Law. Course of lectures: textbook: in 2 vols / ed. by M.N. Marchenko. M., 2011. Vol. 1. P. 307, 308 (in Russ.).
17. Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and add. / ed. and comp. V.N. Zhukov. M., 2021. P. 488 (in Russ.).
18. Frolova E.A. State and order: from the experience of theory and Philosophy of Law // State and Law. 2022. No. 1. P. 46–53. DOI: 10.31857/S102694520018269-6 (in Russ.).
19. Frolova E.A. History of political and legal doctrines: textbook. 3rd ed., reprint and add. M., 2023 (in Russ.).
20. Chicherin B.N. History of political doctrines / preparation of the text, introductory article and commentary by I.I. Evlampiev. SPb., 2006. Vol. 1. P. 28 (in Russ.).
21. Chevalier J. Doctrine juridique et science juridique // Droit et Societe. 2002. No. 50. P. 108.
22. Park R. Human Migration and the Marginal Man // American Journal of Sociology. 1928. No. 6. P. 881–893.
23. 桑本謙. 法治及其社会资源J. 现代法学, 2006 (1).
24. 何勤华: 《中国法学史》(第一卷), 法律出版社 2006 年版, 第 435, 第 451 页.

Сведения об авторе

КРОТКОВА Наталья Викторовна — кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 1035-1892
ORCID: 0000-0003-2853-1287

Authors' information

KROTKOVA Natalya V. — PhD of Law, Leading Researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Vice-Editor-in-Chief of journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia